
«Русский Афон» в Крыму архиепископа Иннокентия (Борисова): проблемы изучения

Любовь Мельникова

**«Russian Athos» in the Crimea by Archbishop Innokenty (Borisov):
problems of studying**

Liubov Melnikova

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

DOI: 10.31857/S0869568722060140, EDN: MMTKYL

Святая Гора Афон на северном побережье Эгейского моря, как известно, с давних пор играет выдающуюся роль в духовно-религиозной жизни православного мира. Она является одной из величайших святынь и почитается как земной удел Пресвятой Богородицы – священная земля, находящаяся под особенным покровительством Божией Матери. Ещё во времена Византии там сложилось крупнейшее средоточие мужских монастырей, получившее, согласно первому уставу Святой Горы Афон (972), режим самоуправления. Строгий устав и хранимые с древних времён на Афоне формы пустынножительства сделали Святую Гору практически эталоном жизни православного монашества. С XI в. многие русские монахи стремились совершить сюда паломничество и нередко оставались здесь жить. К середине XIX в. основным местом пребывания русских иноков на Святой Горе стал Свято-Пантелеимонов монастырь, входящий в число 20 привилегированных афонских монастырей, имеющих своих представителей в Протате (центральном соборном органе управления Святой Горы). Этот монастырь на протяжении практически всего периода своего существования именовался Русским (или Руссиком), хотя национальный состав его насельников не был однородным: значительную часть братии составляли греки и сербы, что неоднократно приводило к межнациональным столкновениям и конфликтам¹.

Особое духовно-религиозное значение Афона для православного монашества и непростое положение русских иноков на Святой Горе привели во второй половине XIX в. к появлению на юге Российской империи двух крупных духовных центров, имевших в своём наименовании термин «Афон». Это Ново-Афонский Симоно-Кананитский монастырь, основанный на Кавказе (в Абхазии) в 1870-х гг. как «отрасль» (филиал) Руссика и так же, как и последний, находившийся в церковной юрисдикции Константинопольского патриархата, и так называемый Русский Афон в Крыму – отечественный центр пустынножительства, сложившийся в 1850-х гг. и представлявший собой иноческое братство Бахчисарайского Успенского скита и ряда приписанных к нему киновий, придерживавшееся устава, который был разработан по Афонскому образцу.

«Русский Афон» в Крыму, несмотря на свою уникальность и многогранность, не избалован вниманием исследователей и вообще мало знаком широкой общественности. В дореволюционной историографии тема рассматри-

© 2022 г. Л.В. Мельникова

¹ См., например: *Мельникова Л.В.* Конфликт на Афоне: «греко-русский Пантелеимоновский процесс» первой половины 1870-х гг. и основание Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря // Россия XXI. 2021. № 5–6. С. 10–27.

валась лишь крымскими краеведами в ряде статей и брошюр, посвящённых деятельности в Крыму архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) или содержавших научно-популярное, предназначенное для путешественников описание крымских храмов и обителей². Среди немногочисленных современных историков, обращавшихся к изучению Русского, или Крымского, Афона, следует выделить В.В. Калиновского, выполнившего серьёзное исследование деятельности православного духовенства в области изучения и охраны памятников Крыма в XIX – начале XX в.³, А.В. Попова, опубликовавшего книгу о Бахчисарайском Успенском монастыре, где обобщён накопленный в исторической литературе материал и содержатся некоторые «собственные изыскания автора»⁴, и Т.А. Богданову, занимающуюся изучением и публикацией переписки архиепископа Иннокентия (Борисова), отложившейся в фонде святителя в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки⁵.

Несмотря на постепенно возрождающийся интерес к рассматриваемой проблеме и очевидные научные достижения, в исследовании темы существует целый ряд лакун: в частности, до сих пор практически не затрагивался вопрос о наличии (или отсутствии) прямых контактов между крымскими обителями (или их епархиальным руководством) и Афонским Свято-Пантелеимоновым монастырём; не обнаружен и не проанализирован первый устав крымского иноческого братства; недостаточно изучена и полна досадных мифов история «Русского Афона» в Крыму периода Крымской войны 1853–1856 гг.; наконец, основное внимание уделяется главным образом Бахчисарайскому Успенскому скиту в ущерб приписанным к нему киновиям, более того – первым семи годам его существования (1850–1857). История Крымского духовного центра после кончины в 1857 г. архиепископа Иннокентия, как правило, не рассматривается, что создаёт ложное ощущение незавершённости церковно-государственного проекта владыки. В данной статье делается попытка хотя бы частично осветить поставленные вопросы.

Возникновение в Крыму «Русского Афона» неразрывно связано с именем архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) – одного из лучших представителей русского учёного монашества. Иннокентий (Иван Алексеевич Борисов) родился 15 декабря 1800 г. в г. Елец Орловской губ. в семье священника. В 1810 г. он поступил в Воронежское епархиальное училище, однако, заболев оспой, вынужден был оставить его. В 1819 г. окончил Орловскую духовную семинарию, в 1823 г. – Киевскую духовную академию, после чего был назначен инспектором и профессором церковной истории и греческого язы-

² *Ливанов Ф.В.* Бахчисарайский Успенский скит в Крыму: историческое описание. М., 1874; *Ливанов Ф.В.* Херсонес (древний Корсунь) в Крыму с открытым в нём ныне первоклассным монастырём Святого Владимира: историческое описание. М., 1874; *Ливанов Ф.В.* Инкерман и «Инкерманская киновия» в Крыму (что близ г. Севастополя). М., 1874; *Маркевич А.* Несколькo слов о деятельности в Тавриде Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Симферополь, 1901; и др.

³ *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непочатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь, 2012.

⁴ *Попов А.В.* Успенский Бахчисарайский монастырь. История, архитектура, святыни. Симферополь, 2016.

⁵ *Богданова Т.А.* Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму (по письмам 1849–1857 гг.) // Светская и духовная словесность в России XVIII–XIX веков / Отв. ред. М.И. Щербакова. М., 2018. С. 216–247; *Богданова Т.А.* Из крымской переписки Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Светская и духовная... С. 305–360.

ка Санкт-Петербургской духовной семинарии, а также ректором Александро-Невского духовного училища. 10 декабря 1823 г. Иван Борисов был пострижен в монашество с именем Иннокентий и посвящён в сан иеродиакона, а 29 декабря того же года — иеромонаха, через год переведён в Санкт-Петербургскую духовную академию бакалавром богословских наук. В последующие годы о. Иннокентий являлся инспектором, членом Правления и Конференции той же академии, в 1826 г. возведён в звание экстраординарного профессора и в сан архимандрита. В сентябре 1829 г. за ряд богословских сочинений («Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», «Жизнь святого апостола Павла» и «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского»)⁶ ему присудили степень доктора православного богословия. В августе 1830 г. он был назначен ректором и профессором богословских наук Киевской духовной академии и одновременно — настоятелем Киево-Братского монастыря. В течение десяти лет своего ректорства архимандрит (с 1836 г. епископ Чигиринский, викарий Киевской епархии) Иннокентий написал десятки научных работ, опубликовал пять сборников проповедей и провёл в академии ряд реформ, среди которых наиболее значительной стала отмена преподавания на латинском языке. 1 марта 1840 г. он возглавил самостоятельную епископскую кафедру в Вологде, а 31 декабря того же года — в Харькове. За обширные труды по управлению Харьковской епархией 15 апреля 1845 г. он был возведён в сан архиепископа.

К моменту назначения на Херсонскую кафедру (24 февраля 1848 г.) владыка Иннокентий приобрёл широкую известность как талантливый богослов, церковный историк, проповедник и администратор. Увлекаясь историей и церковной археологией, он придавал большое значение раскопкам и восстановлению древних христианских обителей (как национального, так и вселенского масштаба), живо интересовался состоянием церковных дел на Православном Востоке, поддерживал постоянные контакты с членами Русской духовной миссии в Иерусалиме, настоятелями посольских церквей в Константинополе и Афинах, некоторыми восточными иерархами и русскими дипломатами, вносил свой вклад в укрепление связей между Поместными церквами и в усиление русского влияния на Ближнем Востоке. Большой опыт и несомненный авторитет позволили ему направить основные усилия на восстановление в Крыму древних христианских обителей с введением в них пустынножительства по уставу, разработанному по Афонскому образцу. Его проект «Русский Афон» в Крыму, как и «Русская Палестина» архимандрита Антонина (Капустина), отвечал веяниям времени и был вызван отчасти сходными с ней мотивами.

Крым, тесно связанный с ранней историей христианства и крещением князя Владимира, имел для Российской империи большое государственное и духовно-религиозное значение. Между тем к моменту его включения в состав России в 1783 г. многие христианские святыни были разрушены или пребывали в запустении. На полуострове действовал лишь один православный монастырь — Балаклавский Георгиевский — и около 15 православных церквей⁷.

⁶ Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 5. СПб., 1908. С. 3–560.

⁷ *Лебединцев А., прот.* О Феодосийской (викарной) епархии // Херсонские епархиальные ведомости. 1861. Ч. II. Прибавления. С. 49; *Родионов М., прот.* Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии: Общий и частный обзор. Симферополь, 1872. С. 92.

Екатеринославские архиепископы, управлявшие огромной территорией, уделяли недостаточное внимание церковным проблемам Крыма. Положение изменилось в лучшую сторону с созданием 9 мая 1837 г. новой церковно-административной единицы — Херсонской и Таврической епархии (включившей в себя две одноимённые губернии) с центром в Одессе. Уже первый архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил (Розанов) проявил интерес к Крыму, написав работу «Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде»⁸. Для архиепископа Иннокентия, ставшего вторым главой епархии, Крымский полуостров, названный им вместе с Новороссией «аванпостом духовным России перед Востоком»⁹, стал объектом особого внимания и попечения.

По признанию самого Иннокентия, уже во время своей первой пастырской поездки в Крым летом 1848 г. он обратил внимание на «вековые горы Тавриды с её дивными удолиями», «неестественность положения господствующей религии среди преобладающего магометанства», «духовные нужды православных» и «памятники священных древностей, лежащие в развалинах»¹⁰. На плачевное состояние крымских древних христианских святынь указывали владыке и священнослужители его епархии. Так, например, 22 июня 1848 г. херсонский протоиерей Максим Перепелицын писал ему: «Вашему Высокопреосвященству неизвестно, что в Крымском полуострове, особенно в южной полосе его, с незапамятных времён было много христианских монастырей... Судя по народам или разным племенам, там живущим, здесь монастыри быть необходимы. Остатки Успенского монастыря, что близ Бахчисарая (именуемого только монастырём), где была явлена чудотворная икона Божией Матери, перенесённая греками в г. Мариуполь, сами и притом трогательно вызывают на возобновление или, лучше, на существенное основание его»¹¹. Вскоре у архиепископа созрело решение о возрождении обителей, существовавших на полуострове в эпоху Средневековья.

По поручению Иннокентия в августе 1849 г. протоиерей симферопольского Александро-Невского собора Михаил Родионов составил от имени жителей Симферополя, Бахчисарая, Алушты и «прочих соседних городов и селений» прошение о «постепенном восстановлении в приличном виде» основных крымских духовных центров. В списке подлежащих восстановлению святынь главное место отводилось учреждению «центрального скита монастырского» в Бахчисарайской Успенской скале, что объяснялось как особой значимостью обители для православных жителей Крыма, так и неплохой её сохранностью: «Успенская скала обращает на себя преимущественное внимание 1) потому, что она была последним под владычеством татар местопребыванием продолжившейся от времён Апостольских иерархии Херсонесо-Таврической, из коего последний митрополит Готфейский Игнатий, как известно, в 1778 г. перешёл с немалым числом греков в Мариуполь; 2) потому, что в сей скале кроме гото-

⁸ *Гавриил (Розанов), архиеп.* Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде // *Гавриил (Розанов), архиеп.* Полн. собр. соч. Ч. 2. М., 1854.

⁹ *Титов А.* Письма архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия к Гавриилу, архиепископу Рязанскому, 1829–1857 // Записки Одесского общества истории и древностей (далее — ЗООИД). 1888. Т. 14. С. 760.

¹⁰ *Востоков Н.М.* Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. Биографический очерк // *Русская старина.* 1879. Т. 24. № 1–4. С. 675.

¹¹ ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 16 об.–17.

вой церкви, не скудной вещами к богослужению, находятся уже и готовые келлии, могущие вместить нужное для богослужения число лиц монашествующих; 3) потому, что к сему месту доселе продолжается особенное усердие народа православного по всему Крыму, что доказывается ежегодным многочисленным стечением народа к храмовому празднику Успения, продолжающимся не менее восьми дней; 4) потому, что из доходов от богомольцев будущей скит Успенский может иметь значительное пособие к своему содержанию»¹². Упомянутый список продолжили ещё десять наименований «главнейших мест, ознаменованных древней святыней»: древние церкви Св. Анастасии в имении помещика Хвитского на р. Каче и в Инкерманской скале близ Севастополя, урочище с источником Св. Иоанна Предтечи близ греческой деревни Камара, источник Савлух-Су святых бессребреников Космы и Дамиана на р. Альме у подошвы Чатыр-Дага, а также церкви Св. пророка Илии в Козской долине, Св. апостола Матфея в Судакской долине, Св. Параскевы в урочище Топлу в Феодосии, Св. Георгия близ Старого Крыма у подошвы горы Агармыш, Св. Иоанна Предтечи с источником у горы Кизилташ, Св. Георгия с источником в урочище Катерлез в пяти верстах от Керчи. «В сих местах, — говорилось в документе, — могли бы... устроиться небольшие киновии в зависимости от скита Успенского, дабы таким образом, сообразно природному свойству здешних мест, похожему на известную во всём мире христианском гору Афонскую, на горах Крымских мог составиться со временем наш *русский Афон*, в пристанище многим душам, кои, ища безмолвия, оставляют отечество и текут в монастыри Афонские»¹³. В заключение высказывалась твёрдая уверенность в том, что на «сие благое дело» крымские жители охотно принесут «посильные приношения», и что восстановление древних христианских святынь окажет благотворное действие даже на «крымских татар магометанского исповедания», многие из которых нередко «приходят на некоторые из вышесказанных урочищ, ища в водах святых источников исцеления от болезней себе и детям своим»¹⁴. Прошение подписали около 250 человек.

В историографии уже обращалось внимание на то, что именно в процитированном документе впервые применительно к восстановлению крымских святынь появляется словосочетание «Русский Афон», давшее название проекту¹⁵.

В специальной «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским», предназначенной как для духовных, так и для светских властей, архиепископ Иннокентий развил идеи и мысли, выраженные в полученном им прошении. Прежде всего он подчеркнул религиозно-нравственное и церковно-политическое значение предлагаемого проекта, реализация которого позволила бы поддержать, «особенно в глазах иноверцев, честь веры христианской и самого правительства»; сохранить «от конечного разрушения места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещённого человека»; создать «неприметно средоточия» благотворного воздействия христианской веры на окрестное татарское население и, возможно, подготовить «постепенное сближение» крымских мусульман с христианством; наконец, предоставить возмож-

¹² Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря / Публ. А. Гроздова // Известия Таврической учёной архивной комиссии (далее — ИТУАК). 1888. Т. 5. С. 81–82.

¹³ Там же. С. 82–83.

¹⁴ Там же. С. 83.

¹⁵ *Калиновский В.В.* «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»... С. 75.

ность путешественникам по Крымским горам «вместо мёртвых и безгласных развалин, наводящих грусть и уныние», находить «пристанища священные, где бы вместе с телом мог опочить и дух»¹⁶.

Иннокентий перечислил подлежавшие первоочередному восстановлению святыни Крыма, подчеркнув при этом, что приоритет отдаётся местам, наиболее уважаемым народом, а также не требующим особенных издержек для быстрого возобновления. Сравнивая перечень святых мест в записке Иннокентия со списком таковых в рассмотренном выше прошении, нетрудно заметить, что они разнятся. В записке Иннокентия отсутствуют церкви Св. пророка Илии в Козской долине, Св. Параскевы в урочище Топлу и Св. Георгия с источником в урочище Катерлез, но при этом указаны «основания церкви между развалинами Херсонеса», где предлагается построить «от лица всей России» храм в память крещения св. князя Владимира¹⁷.

Первое место в списке Иннокентия также занимает Успенская скала вблизи Бахчисарая. Отметив хорошую сохранность обители и особенное почитание этого места народом, архиепископ подчеркнул, что «скала Успенская требует не столько восстановления, ибо она довольно оправлена, а надлежащего... употребления»¹⁸.

В перечисленных местах в силу их труднодоступности и малонаселённости непросто было водворить белое духовенство или создать крупные иноческие обители по чину российских монастырей. Поэтому Иннокентий предложил учредить там немногочисленные пустынножительства в соответствии с образом монашеской жизни, распространённым в древности, в том числе и в России, и «доселе хранимым во всей силе» на Святой Горе Афон, где при каждом из монастырей находятся скиты или киновии, в которых живёт по несколько иноков (большей частью старцев). «Строгое пустынное житие», по словам Иннокентия, находит «пребольшое и преживое сочувствие» в среде русских монашествующих, многие из которых, «не удовлетворяясь отечественными формами монашества», ежегодно ищут возможность уехать на Святую Гору, однако «элемент греческий, там господствующий, неудобно слагается с элементом русским», поэтому нередко из-за притеснений со стороны турок и греков иноки «возвращаются назад, распространяя по России, не к пользе веры и православия, невыгодные молвы об Афоне».

В связи с этим создание на Крымском полуострове отечественного центра пустынножительства приобретало большое значение. «Восстановить сей образ подвижничества иноческого в России, — писал архиепископ, — было бы одною из немаловажных услуг церкви, даже, можно сказать, и государству. Ибо Россия сильна и держится преимущественно верою и чувством набожности, а набожность в народе нашем, сообразно нравам его, питается наиболее обителями иноческими». По мнению Иннокентия, Крым схож с греческим Афоном природными условиями и не уступает ему по части «святых воспоминаний», поэтому вполне может составить пристанище «многим душам», ищущим безмолвия за пределами родины. Несмотря на отрицание «соперничества» между Таврией и Святой Горой, ибо таковому, по справедливому замечанию владыки, «в сём святом деле не может быть места», в записке чувствуются стремление

¹⁶ Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 88.

¹⁷ Там же. С. 89–92.

¹⁸ Там же. С. 89.

и надежда создать со временем на Юге России мощный духовный центр, способный составить здоровую конкуренцию греческому Афону.

Организовать Русский, или Крымский, Афон владыка предлагал следующим образом: «Не заводив никакого монастыря, а придерживась формы пустынножительства Афонского, учредить из всех священных мест Крыма одно иноческое братство, коего средоточием будет скала Успенская, под именем Успенского скита; прочие же священные урочища с их церквями и часовнями будут почитаться его отраслями, под названием киновий»¹⁹. Занятия пустынников должны были включать собирание исторических преданий и описание древностей, писание икон, сбор целебных трав и оказание помощи больным, разведение винограда и проч.²⁰

Заручившись поддержкой Новороссийского генерал-губернатора кн. М.С. Воронцова, архиепископ Иннокентий направил соответствующее ходатайство в Святейший Синод. В своём представлении, к которому прилагались вышеупомянутые прошение и записка, он ограничил число подлежащих восстановлению мест пятью (Успенская скала вблизи Бахчисарая, церковь Св. Анастасии, источник Космы и Дамиана, церкви на развалинах Херсонеса и в Инкерманской скале). Владыка изложил положения, на которых предлагал учредить там немногочисленные монашеские обители: первым основать скит в Успенской скале, остальные открывать постепенно, по мере представляющихся возможностей; ввести в них общежительный образ жизни по примеру пустынножительства горы Афонской, составив для этого особенный, применительно к местности устав; в Успенском скиту как главном месте пустынножительства иметь настоятеля в звании игумена или архимандрита, в прочих местах — киновиях — назначать начальниками старших из монахов; число монашествующих следовало ограничить: в Успенском скиту — семью (кроме настоятеля), в прочих местах — одним иеромонахом и двумя—тремя послушниками; все церковные учреждения должны были содержаться своими трудами и приношениями богомольцев, без издержек из казны²¹.

Определением от 20 марта/11 апреля 1850 г. Святейший Синод одобрил представление архиепископа Иннокентия, 15 апреля император Николай I поставил резолюцию «Исполнить» на соответствующем докладе обер-прокурора Синода гр. Н.А. Протасова, а 4 мая 1850 г. вышел указ императора об утверждении проекта²².

Инициативу Херсонского архиепископа с большим интересом восприняли и в русских общественных кругах. Так, 10 июля 1850 г. гр. А.П. Толстой²³ в письме Иннокентию отметил, что его проект крайне важен в масштабах не только региона или даже страны, но и всего православного мира: «Я твёрдо уверен, что предпринятое Вами дело будет вскоре иметь самые благотворнейшие последствия. Когда величественное и многовековое здание христианства подверглось сильным внешним нападениям и колебанию внутреннему, Промысел указал христианству обширную беспредельную Россию. Кто знает, что

¹⁹ Там же. С. 93–95.

²⁰ Там же. С. 96–97.

²¹ РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 1–4; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 83–86.

²² РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 1–4; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 83–86.

²³ С 20 сентября 1856 г. А.П. Толстой — обер-прокурор Святейшего Синода.

ещё произойдет на Востоке и удержится ли старинный Афон? Новый – необходим, и необходимо было указать ему место на южных горах России, чтобы он светил единоверцам – и восточным, и западным»²⁴.

Через три с половиной месяца после утверждения проекта Иннокентия, 15 августа 1850 г., в праздник Успения Божией Матери, при стечении многочисленного народа состоялось открытие Бахчисарайского Успенского скита. Чин освящения провели архиепископ Иннокентий и настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря греческий митрополит Агафангел (Типальдо). Торжества начались с литургии в Бахчисарайском соборе Свт. Николая Чудотворца и крестного хода оттуда к Успенской скале²⁵. Иннокентий обратился к собравшимся с проникновенной проповедью, в которой обратил внимание на святость Успенской скалы, которую сама Богоматерь «в дивной иконе своей от лет древних избрала в жилище себе», усердие крымчан, никогда не забывавших про это святое место, а также провёл параллель между воссоздаваемой обителью Крыма и Святой Горой Афон: «Отныне... вы, посещая место сие, будете находить в нём не только молитву и богослужение, но и образ жития иноческого по чину Святой Горы Афонской. Кто из вас не слышал о сей дивной горе, где тысячи добрых иноков и смиренных отшельников день и ночь воссылают к Господу тёплые молитвы о мире всего мира. И вот отныне в пределах собственного отечества, среди наших гор, мы будем иметь утешение зреть подобие древнего Афона!»²⁶.

О состоянии на тот момент Успенской скалы следует сказать подробнее. Дело в том, что христиане при переселении из Крыма в Приазовье в 1778 г. взяли с собой чудотворную икону Божией Матери, на месте явления которой, по преданию, была основана обитель, а также другие иконы и утварь; пещерная церковь Успения Божией Матери оказалась заброшенной, три вырубленные в скале монашеские келии опустели. В 1781 г. по настоянию крымского хана Шагин-Гирея, занявшего престол благодаря поддержке российского правительства, греческий священник Константин Спиранди возобновил в заброшенном Успенском монастыре богослужения для расквартированных в Бахчисарае русских солдат. После присоединения Крыма к России в 1783 г. в окрестностях бывшей ханской столицы начали селиться греки, для которых пещерная Успенская церковь, являвшаяся единственным православным культовым сооружением в округе, стала приходским храмом. Усилиями местных меценатов пещерная церковь и прилегающая к ней территория были благоустроены: бахчисарайский комендант полковник Тотович принёс в дар иконостас, к которому на средства военного губернатора Каховского изготовили царские ворота; церковный староста С. Калига позаботился о расширении невмещающего всех желающих помещения (что, по справедливому замечанию современного исследователя В.Г. Тура, «нанесло непоправимый ущерб храму как историко-архитектурному памятнику», однако увеличило его площадь почти вдвое), построил балкон перед храмом и расширил ведущую в него лестницу; симферопольский купец Е. Савопуло устроил фонтан²⁷.

²⁴ Цит. по: *Калиновский В.В.* «Древностей – и замечательных, и интересных, и красивых – непечатый уголок»... С. 78.

²⁵ РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 9–9 об.

²⁶ *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Слово при открытии скита в Бахчисарайской пустыне // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 2. СПб., 1908. С. 311–313.

²⁷ *Тур В.Г.* Православные монастыри Крыма в XIX – начале XX вв. Киев, 2006. С. 122.

В 1799 г. приход Успенской церкви составлял уже 482 человека²⁸. Однако в 1800 г. с освящением в Бахчисарае собора Свт. Николая Чудотворца пещерная церковь Успения Божией Матери утратила статус приходского храма, была обращена в кладбищенскую и приписана к собору. В Никольский храм перешёл священник Константин Спиранди, туда же из пещерной церкви перенесли богослужебную утварь и ризницу. Для Успенской обители вновь наступил период запустения, который продолжался до 1850 г., когда стараниями архиепископа Иннокентия был учреждён Бахчисарайский Успенский скит – основа «Русского Афона» в Крыму. Братию скита в те годы составили семь иноков, включая настоятеля, которым был назначен архимандрит Поликарп (Радкевич), уроженец Подольской губ., выпускник Киевской духовной академии, в течение семи лет (1843–1850) служивший настоятелем российской посольской церкви в Афинах и хорошо знавший традиции греческого Афона.

Сначала открытый Успенский скит, состоявший, по выражению архиепископа Иннокентия, «только из пещерной храмины и голых камней», нуждался буквально во всём: «от потира и облачений до фимиама и свечи»²⁹. По представлению епархиального начальства Святейший Синод снабдил его богослужебными книгами и творениями святых отцов, храмы Херсонской и Таврической епархии – церковной утварью и облачениями. Уже к началу 1852 г. на средства благотворителей для пещерной Успенской церкви был изготовлен новый иконостас и два колокола весом 12 и 58 пудов. В это же время возвели ряд жилых и хозяйственных построек и сооружений: у подножия скалы устроили 16 келий, «весьма удобных к помещению братии и вполне соответствующих характеру пустынного жития», в нижней части горного склона было выстроено каменное здание «для братской трапезы и поварни», вся принадлежавшая скиту территория огорожена каменной стеной, расширена дорога от Бахчисарага до Успенской скалы, устроена лестница по утёсу из высеченных ступеней³⁰. В 1851 г. таврический губернский архитектор К. И. Гоняев по указанию архиерея разработал план будущей застройки Успенского скита, согласно которому, в частности, предполагалось «оправить» пещерную Успенскую церковь, сделав её, насколько возможно, более вместительной, снаружи скалы место явления чудотворной иконы, прикрытое кровлей балкона, «обнаружить совершенно и облагодетельствовать»; воздвигнуть на вершине скалы небольшой храм в честь Воскресения Христова; устроить в трёх древних пещерных келиях небольшую церковь во имя всех святых Афонских; построить трапезную и поварню, келии для насельников, дом для настоятеля, келии с мезонином и домовою церковью для приезда в скит архиерея, две гостиницы для приезжающих богомольцев; устроить четыре пруда, трое монастырских ворот, фонтан возле Успенской церкви; соорудить две часовни³¹. В процессе реализации этот план претерпел существенные изменения.

19 декабря 1850 г. о. Иннокентий писал архиепископу Рязанскому Гавриилу (Городкову): «Крым наш, слава Богу, начинает оттаивать от льда магометанского. Новый скит Бахчисарайский, видимо, обращает на себя дружелюбное – что всего лучше – внимание татар... Всё это ободряет нас на труды для нового свя-

²⁸ Лебединцев А., *прот.* Столетие церковной жизни Крыма. 1783–1883 гг. // ЗООИД. 1883. Т. 13. С. 211.

²⁹ [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. Одесса, 1852. С. 12, 14.

³⁰ Там же. С. 14, 16.

³¹ Там же. С. 15–16; ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 20–21 об.

того места. А труды, надобно признаться, немалые»³². 27 декабря 1852 г. херсонский архиерей сообщал Гавриилу: «Скиты наши в Крыму, слава Богу, выходят из земли и принимают вид, подобающий святым местам. Но это дело не годовое, а многих десятилетий. Главные недостатки в людях, способных понести тягость первоначального, не устроенного ещё бытия скитского»³³.

Немалая заслуга в преодолении тягот «первоначального скитского бытия» принадлежала архимандриту Поликарпу (Радкевичу), каждый день подававшему своим подопечным пример подвижничества. Владыка Иннокентий неоднократно давал настоятелю Успенского скита самую высокую оценку. В письмах архиепископу Гавриилу от 3 апреля 1851 г. и 13 апреля 1853 г. он писал об о. Поликарпе: «Мы воистину богаты сим человеком: Господь послал его нам!»³⁴; «Человек предобрый и предостойный»³⁵. Те же мысли выразил архиепископ Иннокентий и в письме директору канцелярии обер-прокурора Святейшего Синода К.С. Сербиновичу от 18 декабря 1850 г.: «Господь сам послал нам о. архимандрита Поликарпа; он живёт доселе в каменной холодной скале, мужается сам, воодушевляет других и устрояет ограждение месту, в чём настояла переее всего нужда»³⁶. При этом, по словам архиерея, о. Поликарп был всем доволен и не думал «ни о чём, кроме спасения своего и ближних»³⁷.

Не все первые насельники Успенского скита безропотно переносили трудности и быстро привыкли к новой жизни. Например, недоволен был о. Иеремия, который, по свидетельству священника московской Богоявленской церкви Петра Козмина, состоявшего с ним в переписке, «сначала с унынием отзывался о своём новом месте». В частности, он сетовал на тесноту и строгие правила («нас осталось зимовать пять человек в одной малой двукошечной келии»; молодым послушникам нужно «угождать», а иначе «ссора будет»; «ловлю время, чтобы к Вам письмо написать, но всё нельзя», «ночью запрещают, говоря, что напрасно свечи жечь»)»³⁸. Однако менее чем через полгода Иеремия «успокоился». 18 декабря 1850 г. о. Пётр сообщал о нём архиепископу Иннокентию: «Чувствую, — пишет он мне в последнем письме, — что Вы не оставляете меня в молитвах, ибо я понемногу привыкаю к здешнему месту. Меня приглашают в другие монастыри, кои не в нашей епархии, но я их не хочу слушать, а хотя трудно, но буду жить до тех пор, пока не вышлют». Московский священник старался «утвердить его» в этом стремлении, считая устройство в Крыму «Русского Афона» «высокой мыслью и великим подвигом» херсонского архиепископа. О первых обитателях Успенского скита он писал владыке: «И так вот малое стадо, которое Бог благоволил избрать. Оно мало, немощно, скудно средствами плотскими. Но, если Господь устами Вашими речёт ему: “Не бойся, малое стадо!”», оно будет велико и славно. Не так ли было и с основанием самого христианства?»³⁹.

Возвращаясь к архимандриту Поликарпу, отметим, что, судя по его письмам архиепископу Иннокентию, первый настоятель Бахчисарайского Успен-

³² *Титов А.* Указ. соч. С. 764.

³³ Там же. С. 766.

³⁴ Там же. С. 765.

³⁵ Там же. С. 767.

³⁶ Цит. по: *Востоков Н.М.* Указ. соч. С. 685.

³⁷ *Титов А.* Указ. соч. С. 765.

³⁸ ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 99–100.

³⁹ Там же.

ского скита вникал во все нюансы строительства обители и обустройства жизни иноков. Непосредственное участие он принимал и в разработке устава крымского иноческого братства. Так, 1 октября 1851 г. Поликарп писал архиерею: «Я собрал на бумагу мысли свои касательно устройства будущих наших скитов. Будет ли что годиться или нет, поверяю всё на архипастырское Ваше благоусмотрение. Писать многое, что было писано и повторяемо в других уставах, я счёл за бесполезный перенос из одной бумаги на другую. Поэтому я ограничился только главными правилами и тем, что может составлять особенности скитов. Вначале я изложил и своё понятие о ските. Простите, если оно не совсем верно или недостаточно. Лучшего не мог составить, ибо нигде не случилось пожить в ските, чтобы видеть особенности скита»⁴⁰. К сожалению, упомянутая «бумага с мыслями» архимандрита Поликарпа в архивном деле отсутствует. Не удалось пока обнаружить и первый устав Бахчисарайского Успенского скита. С большой вероятностью можно предположить, что при его составлении использовались несколько текстов: Афонский устав, Скитский устав и типовой устав общежительных российских монастырей, изложенный в «Прибавлении» к «Духовному регламенту». В отмеченных «особенностях», часто имеющих место в уставах отдельных монастырей, могли отразиться принципы и убеждения архимандрита Поликарпа и самого архиепископа Иннокентия.

Поликарп (Радкевич) являлся настоятелем Бахчисарайского Успенского скита в течение трёх лет. 5 июля 1853 г. он был хиротонисан в епископа Одесского, викария Херсонской и Таврической епархии, и переехал жить в Херсон. Хиротонию совершил архиепископ Иннокентий в Одессе. Владыка сам выбрал себе помощника. В августе 1852 г., узнав о намерении Синода учредить викарное епископство для Херсонской епархии, он обратился к обер-прокурору Н.А. Протасову с просьбой, «дабы при избрании кандидатов на новое епископство благоволено было... обратить... внимание на... архимандрита Поликарпа как человека, особенно способного к занятию места херсонского викария, и по предшествующей немаловажной службе его, всюду и всегда проходимой им с полным соответствием желаниям начальства, и по его примерной нравственности, доказанной между прочим во время пребывания его в Крыму редким самоотвержением истинно монашеским, и по отличному знанию разговорного языка греческого, что очень полезно в здешнем краю, где столько всякого рода греков, и, наконец, по всеобщему уважению к его лицу за его назидательный образ мыслей и доброту истинно христианскую»⁴¹.

Наряду с Успенским скитом обустраивались и другие обители. В 1851 г. была основана Анастасиевская киновия⁴², в 1852–1853 гг. после проведения части запланированных работ открылись ещё две киновии — Инкерманская Св. Климента и Херсонесская Св. Владимира. В Херсонесе к тому времени был обнесён каменной стеной земельный участок, переданный по ходатайству архиепископа Иннокентия Главным управлением Черноморского флота Херсонскому епархиальному начальству, устроены две келии и небольшая деревянная церковь во имя св. кн. Владимира (освящена в марте 1853 г. архимандритом Поликарпом). В ближайшие годы там планировалось «восстановить на

⁴⁰ Там же, д. 37, л. 2–2 об.

⁴¹ Там же, л. 275–275 об.

⁴² Денисов Л.И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 789.

древнем фундаменте и в первобытном, сколько возможно, виде» церковь на предполагаемом месте крещения кн. Владимира, устроить монашеские келии на 12 человек и небольшую гостиницу для посетителей, на территории разбить сад и восстановить древнюю цистерну⁴³. В Инкерманской кинонии предполагалось обновить обе пещерные церкви, посвящённые священномученикам Клименту и Мартину, построить над источником небольшую часовню, устроить келии для восьми иноков, разбить сад⁴⁴. К моменту открытия Инкерманской кинонии часть этих работ успели выполнить: возобновили одну церковь (во имя Св. Климента) и отремонтировали несколько келий. 17 марта 1853 г. благочинный церковью Севастопольского округа протоиерей Арсений Лебединцев писал архиепископу Иннокентию: «В новоосвящённых церквях — Херсонесской и Инкерманской — не без богомольцев всегда, а в воскресные дни бывает их и довольно, особенно в Херсонесе. Радуетя отец Василий; не скорбит и отец Арсений Инкерманский, более расположенный к уединению и безмолвию»⁴⁵.

Особое значение архиепископ Иннокентий придавал строительству храма-памятника на месте крещения кн. Владимира. Эту идею впервые высказал командующий Черноморским флотом, военный губернатор Севастополя вице-адмирал А.С. Грейг ещё в 1825 г. и тогда же она получила одобрение императора Александра I. В 1827 г. Грейг с целью поиска места крещения кн. Владимира организовал в Херсонесе первые археологические раскопки под руководством мичмана Н.М. Крузе, в ходе которых удалось обнаружить остатки трёх христианских церквей. Раскопки вскоре пришлось прервать, а в 1842 г., по ходатайству нового командующего Черноморским флотом адмирала М.П. Лазарева, обеспокоенного недостаточным количеством православных храмов в Севастополе, было принято решение о строительстве собора Св. Владимира не на развалинах Херсонеса, а в центре города. Этот храм владыка Иннокентий заложил 15 июля 1854 г. Двумя годами ранее, летом 1852 г., Одесское общество истории и древностей возобновило раскопки в Херсонесе, и учёный секретарь общества археолог Н.Н. Мурзакевич выдвинул предположение, что местом крещения русского князя могут быть остатки крупной базилики в центральной части городища. По указанию того же учёного одесский архитектор Л.С. Оттон составил проект храма-памятника «в точном духе и характере» церковей V–XI вв.⁴⁶ В марте 1853 г. архиепископ Иннокентий подал в Синод ходатайство о разрешении восстановить среди развалин древнего Херсонеса «в первобытном виде» церковь, «в которой совершено крещение над великим князем Владимиром», представив сразу два проекта: Л.С. Оттона и петербургского архитектора А.С. Кудинова. К ходатайству прилагалась пояснительная записка с обоснованием выбора искомого места⁴⁷. Предположение, что речь идёт о той самой церкви, в которой произошло крещение кн. Владимира, основывалось на сравнении местности Херсонеса с текстом «Повести временных лет»: «Крести же ся в церкви святого Василия, и есть церковь та стоящи в Корсуне граде, на месте посреди града, иде же торг деют корсуняне; палата

⁴³ РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 13–15 об.; Историческая записка о Херсонисском Св. равноапостольного великого князя Владимира монастыре // ИТУАК. 1888. Т. 5. С. 76–77; Архивные документы, относящиеся к истории Херсонисского монастыря. С. 97–98.

⁴⁴ РГИА, ф. 797, оп. 20, д. 44614, л. 16–18.

⁴⁵ ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 430.

⁴⁶ Там же, л. 179–180, 210–211.

⁴⁷ РГИА, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 1–25; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 1–2.

же Володимера с края церкви стоит и до сего дне, а царицына палата — за алтарем»⁴⁸. Из четырёх раскрытых в то время фундаментов христианских храмов предполагаемая к восстановлению церковь «принадлежала к самым древним» и больше всего подходила под это описание: лишь она стояла почти посредине города, на торговой площади, и рядом с ней были обнаружены фундаменты многокомнатных зданий, которые приняли за упомянутые в летописи палаты⁴⁹.

Документы были переданы в Главное управление путей сообщения и публичных зданий, и 7 апреля 1853 г. главноуправляющий этим учреждением генерал-адъютант граф П.А. Клейнмихель сообщил обер-прокурору Синода Н.А. Протасову, что император Николай I, выслушав соответствующий доклад, повелел «истребовать документ, на котором основано предположение, что предназначенный к восстановлению храм есть именно тот, в котором восприял святое крещение великий князь Владимир»⁵⁰. Уже через четыре дня, 11 апреля 1853 г., архиепископ Иннокентий представил краткую записку с ответом на поставленный вопрос. Однако, не имея точных доказательств, он был вынужден лишь более кратко и чётко повторить уже изложенные им прежде аргументы, добавив: «Конечно, в сём мнении нет математической непреложности, но в подобных предметах самый взыскательный археолог по необходимости довольствуется историко-географическою вероятностью»⁵¹. Императора вновь не удовлетворила аргументация архиепископа: 31 мая 1853 г. Клейнмихель сообщил Протасову, что государь «высочайше повелеть соизволил, дабы преосвященный доставил записку со всеми подробностями и доказательствами, на фактах основанными»⁵². 9 декабря 1853 г. архиерей ответил, что «требуемая записка о сём храме может и должна быть составлена не прежде, как по окончании новых земляных разведок местности». Более того, владыка сообщил о раскопках графа А.С. Уварова, который «в продолжение всей прошедшей осени на развалинах Херсонеса занимался открытием развалин другого древнего храма». «Хотя, — писал он, — по мнению здешних археологов и моему, храм, им раскрываемый, нисколько не изменяет предположения о нашем храме, но для основательности в суждениях и для избежания всяких археологических недоумений и споров не бесполезно будет подождать окончательного результата его трудов и выводов»⁵³.

К сожалению, начало военных действий в Крыму помешало Уварову продолжить раскопки, не вернулся он к ним и после войны. 10 февраля 1858 г. новый император Александр II разрешил постройку храма Св. Владимира в Херсонесе на предполагаемом (Н.Н. Мурзакевичем) месте крещения князя в центральной части городища, 2 июня 1859 г. утвердил представленный ему новый проект архитектора Д. Гримма и 23 августа 1861 г. собственноручно совершил закладку храма⁵⁴. Строительство собора затянулось на долгие 15 лет (1861–1876) и окончательно завершилось лишь к 1894 г. При этом нельзя не отметить, что в 1876 г., когда храм уже был построен, возобновились раскопки «Уваровской базилики», в ходе которых удалось обнаружить баптистерий (крещальню) при ней. В начале 1890-х гг. А.Л. Бертье-Делагард идентифициро-

⁴⁸ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. С. 47.

⁴⁹ РГИА, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 3–12.

⁵⁰ Там же, л. 29–29 об.; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 3–3 об.

⁵¹ Там же, ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 31–33 об.

⁵² Там же, л. 34–34 об.; ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 7–7 об.

⁵³ Там же, ф. 797, оп. 23, отд. 2, ст. 2, д. 60, л. 13–14 об.; ф. 218, оп. 4, д. 2488, л. 38–39.

⁵⁴ Там же, ф. 796, оп. 139, д. 427а, л. 3, 25, 60–60 об.

вал «Уваровскую базилику» и крещальню как кафедральный собор Херсонеса, в котором состоялось крещение кн. Владимира⁵⁵. Эту версию развил и практически доказал в 1988 г. С.А. Беляев (основные аргументы: это единственный баптистерий в древнем Херсонесе, «Уваровская базилика» — кафедральный храм, а термин «посреде», на который опирались археологи XIX в., мог означать как «посреди», так и «внутри» города)⁵⁶.

Устройство «Русского Афона» в Крыму вызвало интерес на Святой Горе. Ещё перед открытием Бахчисарайского Успенского скита из Афонского Свято-Пантелеимонова монастыря в новую обитель были присланы иконы и трёх-составный (сделанный из трёх пород дерева: кипариса, сосны и кедра) крест с надписью на оборотной стороне: «Прислан со-Русскому Афону на благословение в день открытия 1850 года»⁵⁷. Архиепископ Иннокентий состоял в переписке с иеромонахом Руссика Серафимом, который прежде некоторое время жил в Одессе. Последний сообщал владыке новости с Востока (в частности по греко-болгарскому вопросу), советовался с ним по проблеме русского перевода «Патерика Афонского» (следует ли переводить дословно или можно «дать переводу лёгкость и красоту русского языка, а главное — ясность и простоту») ⁵⁸. Афонский инок изъявлял горячее желание «побывать в Крыму, на Успенской скале» и проявлял неподдельный интерес к Крымскому Афону, акцентируя, в частности, внимание на важном и довольно щекотливом вопросе допуска в обитель женщин: «В “Одесском вестнике” я читал историю Вашего прекрасного Афона Крымского... Одного только недосказано в ней: будут ли допускаемы в Крымский Афон жёны (женщины. — Л.М.) для богомолья? Это одно из существенных условий к совершенному безмолвию и ко всем удобствам пустынной жизни. Опыты доказали и доказывают, что сколько доставляют жёны пользы обителям, богомольчески посещая их, столько напротив, если не в тысячу раз более, и неприязненных следствий их набожности для... иноков. Если у Вас не будет этого условия, наш Афон восточный всё-таки в этом отношении останется навсегда единственным и неоценимым»⁵⁹.

В 1852 г. иеромонах Афонского Свято-Ильинского скита Пахомий обратился к архиепископу Иннокентию с прошением о принятии его «во вновь открытые Российско-Афонские скиты». Преосвященный подал соответствующее ходатайство в Святейший Синод, однако рассмотрение этого вопроса затянулось. 20 марта 1853 г. Пахомий вновь направил херсонскому архиерею письмо с той же просьбой⁶⁰. Установить, как решился этот вопрос, пока не удалось. Принятию Пахомия в какую-либо обитель Крымского Афона могла помешать начавшаяся Крымская война. Однако известно, что в дальнейшем случаи перехода афонских иноков в Крым имели место, правда, не всегда они заканчивались благополучно для обеих сторон. Так, например, в 1907 г. епископ Таврический и Симферопольский Алексей (Молчанов) отказался принять в один из крымских монастырей монаха Иннокентия, оставившего Афон «вследствие

⁵⁵ *Бертье-Делагард А.Л.* Раскопки Херсонеса // Материалы по археологии России, издаваемые Императорскою Археологическою комиссиею. № 12: Древности Южной России. СПб., 1893.

⁵⁶ *Беляев С.А.* Находка в Херсонесе // Журнал Московской Патриархии. 1988. № 6. С. 32–35.

⁵⁷ [*Иннокентий (Борисов), архиеп.*] Новооткрытый Успенский Бахчисарайский скит. С. 15; *Богданова Т.А.* Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму... С. 225.

⁵⁸ ОР РНБ, ф. 313, д. 37, л. 109–109 об., 279–280 об.

⁵⁹ Там же, л. 109–110.

⁶⁰ Там же, л. 411–411 об.

всегдашней распри и споров и притеснений со стороны греков». Свой отказ епископ объяснил ссылкой на предшествующий опыт: «Усерднейше и покорнейше прошу Ваше Высокопревосходительство, — писал он обер-прокурору Синода П.П. Извольскому, — освободить вверенные мне таврические обители от афонских монахов. Горький опыт показал, что эти монахи представляют из себя весьма и весьма нежелательный элемент вообще для наших русских монастырей. Один из таковых монахов, будучи определён в одну из обителей вверенной мне епархии, произвёл там смуту, нарушившую внутренний мир обители»⁶¹. Думаем, что епископ Алексей сильно погорячился, сделав столь категоричное обобщение. Далеко не все афонские монахи были в России «нежелательным элементом», о чём свидетельствует, в частности, основание ими на Кавказе упоминавшегося выше Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря, который вскоре превратился в жемчужину Черноморского побережья, крупный духовный и миссионерский центр Российской империи.

Архиепископ Иннокентий в течение многих лет стремился совершить паломничество на Восток (на Синай, в Палестину и на Афон), неоднократно подавал в Синод соответствующие прошения. Разрешение он получил лишь в 1853 г., однако начавшаяся Крымская война помешала его поездке.

Война временно приостановила и дальнейшее устройство «Русского Афона» в Крыму. В ходе военных действий пострадали киновии в Херсонесе и Инкермане. Первая была занята неприятельскими войсками и полностью разрушена (по выражению протоиерея Арсения Лебединцева, «от церкви и двух зданий монастырских остались одни следы»⁶²), вторая подверглась обстрелу, в ходе которого пострадала пещерная церковь Св. Климента⁶³. Церковное имущество обеих киновий удалось заблаговременно вывезти в Бахчисарайский Успенский скит, куда затем перешла и их братия⁶⁴.

Успенский скит по причине своей удалённости от театра военных действий не был разорён, однако бушевавшая на Крымском полуострове война внесла в жизнь его иноков серьёзные коррективы. В современной историографии встречается ошибочная информация, что на территории скита во время Крымской войны действовал госпиталь русской армии, в котором, по голословному утверждению А.В. Попова, «пребывало до одной тысячи раненых»⁶⁵. В подтверждение своих слов исследователь не приводит никаких документов, а ссылается на книгу Н.Ф. Дубровина, где речь идёт, однако, совсем о другом: «Князь Меншиков принуждён был сделать распоряжение, чтобы до 1000 человек легко раненых были отправлены в Карасубазар и Бахчисарай, с тем чтобы они помещались там в казармах и продовольствовались наравне со здоровыми»⁶⁶. По поводу Бахчисарая, в котором действительно были устроены лазареты (но именно в городе — в основном в ханском дворце, а не в скиту), учёный пишет: «Несмотря на недостаток в помещении, главная масса больных

⁶¹ Цит. по: *Зырянов П.Н.* Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. М., 1999. С. 253–254.

⁶² РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 113.

⁶³ Там же, л. 113 об.

⁶⁴ Там же, л. 74.

⁶⁵ *Попов А.В.* Успенский Бахчисарайский монастырь... С. 112; см. также: *Тур В.Г.* Православные монастыри Крыма... С. 131; *Герцен А.Г., Махнева О.А.* Пещерные города Крыма. Симферополь, 1989. С. 25.

⁶⁶ *Дубровин Н.Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. 2. СПб., 1900. С. 344.

всё-таки направлялась в Симферополь, так как размещение их в Бахчисарае представляло ещё более затруднений. Город этот был отстроен настолько дурно, что лишь один древний ханский дворец по своей обширности мог служить для помещения больных, но и тот не имел печей. При таких условиях положение больных и раненых было весьма жалкое»⁶⁷. О наличии госпиталя в Бахчисарайском Успенском скиту Дубровин не упоминает, что неудивительно, ибо в обители в то время просто не имелось условий, необходимых для размещения больных и раненых; все основные здания, включая гостиницу для паломников, были построены уже после окончания Крымской войны.

Предположения современных исследователей (А.В. Попова, В.Г. Тура и др.) о существовании в скиту госпиталя, подаваемые ими как якобы исторический факт, опираются, по всей вероятности, в основном на наличие на территории обители кладбища, несколько захоронений которого относятся к событиям Крымской войны. Однако все эти люди (во всяком случае, те, имена которых сохранились на надгробиях) отнюдь не умерли от ран в стенах обители, а погибли на поле брани. Например, генерал-адъютант барон П.А. Вревский и генерал-майор П.В. Веймарн были убиты в сражении на Чёрной речке 4 августа 1855 г. Об устройстве во время войны в Успенском скиту именно кладбища, но никак не госпиталя, сообщил и сам архиепископ Иннокентий в рапорте Святейшему Синоду от 11 марта 1857 г., предложив построить около него малую церковь⁶⁸. Если бы госпиталь действительно имел место, владыка непременно отметил бы это. Существование указанного кладбища (несмотря на полное отсутствие документов о госпитале) послужило основанием и для установки в недавнее время на территории обители памятного знака, первая часть надписи на котором, к сожалению, не соответствует исторической действительности: «На территории Свято-Успенского монастыря в 1854–1856 гг. располагался госпиталь русской армии. Здесь, на монастырском кладбище, покоятся воины, павшие в героических сражениях Крымской войны».

В некоторое заблуждение могли ввести исследователей и письма настоятеля Бахчисарайского Успенского скита игумена Николая архиепископу Иннокентию, где упоминается «госпиталь» или «госпитали», в которых иноки обители занимались духовным окормлением раненых и больных воинов. Однако внимательное изучение этих писем и сопоставление их с другими документами ясно показывает, что речь идёт о госпитале, располагавшемся в ханском дворце, а также о других военных госпиталях Бахчисарая. Дело в том, что в ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий, узнав о нехватке военного духовенства для оказания духовной помощи раненым, предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозе их туда с мест сражений. Более того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства» архиепископ вменил в обязанность «настоятелю Крымских скитов, оставив кого-либо для охранения своего места, всех иеромонашествующих выслать немедленно на те пункты, где находятся раненые воины, — как в лазареты, так и на самое поле брани»⁶⁹. Так иеромонахи Успенского скита в ноябре 1854 г. были прикомандированы к военным госпиталям, расположенным в Бахчисарае и его окрестностях, для исполнения духовных треб. Тогда же владыка Иннокентий, следуя отношению

⁶⁷ Там же. С. 340.

⁶⁸ См.: Калиновский В.В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»... С. 98.

⁶⁹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 30–30 об.

обер-прокурора Синода Н.А. Протасова, по желанию великой княгини Елены Павловны назначил игумена Николая и иеромонаха Успенского скита Ефрема духовниками Крестовоздвиженской общины сестёр попечения о раненых в Бахчисарае (всего для этой цели им были назначены 12 духовных лиц в семи городах: Севастополе, Симферополе, Бахчисарае, Карасубазаре, Феодосии, Перекопе и Херсоне)⁷⁰. Именно о госпиталях Бахчисарая и идёт речь в письмах игумена Николая архиепископу Иннокентию. Ни в одном из этих писем не говорится прямо о том, что госпиталь расположен в каком-то помещении Успенского скита, зато есть масса указаний на город и ханский дворец. Так, 15 января 1855 г. игумен Николай жаловался архиерею на «страшные неисправности» в «Бахчисарайских госпиталях» (грязь, холод, переполненность палат и «заразительный воздух» в них), а также на неспособность городских властей их исправить⁷¹. В марте 1855 г. он сообщает: «Дворец отведён уже под госпиталь и устраивается уже, к 1 апреля всё будет кончено, жаль только, что церковь для раненых и больных, предположенная в молельне Софии Потоцкой, будет устроена на дворе в палатке»⁷². Именно в ханском дворце как наиболее обширном здании Бахчисарая находились одновременно по несколько сотен раненых и больных воинов. Так, 11 июня 1855 г. игумен Николай сообщал архиепископу Иннокентию: «Сию седмицу занимал по госпиталю отец Макарий с иеродиаконом Евфимием. Раненых на этой неделе поступило в госпиталь до 700 душ... Посоветовавшись с комендантом и главным доктором, я в воскресенье, отслуживши литургию в греческой церкви и освятивши *во дворце* воду, окроплю все палаты, наполненные ранеными и больными, есть довольно без ног или без рук»⁷³.

По вопросу о самой возможности и фактическом расположении госпиталей в подведомственных Иннокентию монастырских зданиях заметим, что, согласно документам архива Святейшего Синода, из всех обителей Херсонской и Таврической епархии под госпиталь архиепископ распорядился отвести лишь один монастырь — Корсунский Богородицкий «как ближайшее место к Крымскому полуострову» (монастырь располагался в Днепровском уезде Таврической губ.)⁷⁴. Что касается непосредственно крымских обителей, то Балаклавский Георгиевский монастырь был оккупирован англо-французскими войсками, а остальные обители, как показано выше, находились тогда ещё в начальной стадии возобновления и потому в любом случае не имели возможности разместить раненых.

При этом посильную помощь раненым воинам иноки Успенского скита оказали ещё в самом начале военных действий в Крыму, до устройства в Бахчисарае какого-либо госпиталя. Как сообщил архиепископу Иннокентию игумен Николай, 9 сентября 1854 г., на следующий день после неудачного для русской армии сражения при реке Альме, он, узнав, что «бедные раненые наши по степи и балкам лежат без всякой помощи», а городские подводы, занятые «под войска», ещё не вернулись, предоставил принадлежавших скиту лошадей и повозку для привоза раненых в Бахчисарай. В течение дня на скитской подводе в го-

⁷⁰ Там же, д. 34, л. 20–21. О Крестовоздвиженской общине подробнее см.: Мельникова Л.В. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012.

⁷¹ ОР РНБ, ф. 313, д. 36, л. 353–354 об.

⁷² Там же, л. 466 об.

⁷³ Там же, д. 39, л. 237.

⁷⁴ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 31–31 об.

род были доставлены около 60 человек. Там их накормили, оказали некоторую медицинскую помощь («помощи им дать нельзя по неимению медикаментов... впрочем, здешний врач вынул пуль до десяти») и в тот же вечер на отыскавшихся больших подводах отправили в Симферополь⁷⁵.

Будучи прикомандированы к военным госпиталям, иноки «Русского Афона» в Крыму добросовестно выполняли свои обязанности, чему личным свидетелем был сам преосвященный при двукратном посещении Крымского полуострова⁷⁶. Так, 2 июля 1855 г. он писал исполняющему обязанности обер-прокурора Святейшего Синода А.И. Карасевскому: «В посещённых мною госпиталях как в Севастополе, так в Бахчисарае и Симферополе, по духовной части, благодарение Богу, недостатков не замечено. В сём отношении должно отдать особую справедливость иеромонахам крымских скитов, кои все показали неутомимое усердие в духовном призрении раненых воинов, вследствие чего все переболели тяжкими болезнями, от коих один скончался, а некоторые доселе не могут оправиться»⁷⁷. 31 мая 1856 г. по представлению генерал-адъютанта графа Д.Е. Остен-Сакена «за усердие и самоотвержение, оказанные при отправлении духовных треб во время осады Севастополя в Бахчисарайских и окрестных госпиталях» трое из иноков Бахчисарайского Успенского скита были награждены: настоятель обители архимандрит Николай – орденом Св. Анны 3-й степени, иеромонахи Прокопий и Иннокентий – наперсными крестами, выдаваемыми от Святейшего Синода⁷⁸.

Среди духовных лиц Бахчисарайского Успенского скита, откомандированных архиепископом Иннокентием в ноябре 1854 г. для заботы о раненых воинах не только в лазаретах, но и «на самом поле брани», находился иеромонах Иоанникий (Савинов), отличившийся вскоре при обороне Севастополя и ставший одним из двух священников – Георгиевских кавалеров периода Крымской войны.

Имени этого героя, к сожалению, нет ни в одной работе, посвященной Бахчисарайскому Успенскому скиту или «Русскому Афону» в Крыму. Долгое время его ошибочно считали военным священником: флотским иеромонахом, приписанным к Балаклавскому Георгиевскому монастырю⁷⁹ (опять же без соответствующих документов, просто по роду его деятельности во время Крымской войны)⁸⁰. Однако найденные нами архивные документы неопровержимо свидетельствуют о том, что он был иеромонахом Бахчисарайского Успенского скита. Так, например, 2 июля 1855 г. архиепископ Иннокентий в письме А.И. Карасевскому, не указывая имени Иоанникия (Савинова), описывает его знаменитый

⁷⁵ ОР РНБ, ф. 313, д. 36, л. 290–291.

⁷⁶ О деятельности архиепископа Иннокентия в годы Крымской войны подробнее см.: Мельникова Л.В. Патриотическая деятельность архиепископа Иннокентия (Борисова) в годы Крымской войны (1853–1856 гг.) // Вестник церковной истории. 2007. № 4(8). С. 73–88; Мельникова Л.В. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг.

⁷⁷ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82–82 об.

⁷⁸ Там же, оп. 97, д. 412, л. 111–111 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1856. № 50.

⁷⁹ С 1806 г. Балаклавский Георгиевский монастырь считался «флотским», т.е. поставлял иеромонахов для службы на кораблях Черноморского флота, в гарнизонах Крыма и Кавказского побережья Чёрного моря.

⁸⁰ См., например: Крестьянников В.В. Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое. Научные статьи сотрудников Государственного архива города Севастополя. Севастополь, 2006. С. 21–22; Шавшин В.Г. Балаклава. Исторические очерки. Симферополь, 2004. С. 68–69; и др.

подвиг, совершённый в ночь на 11 марта 1855 г. (об этом ниже), называя его «одним из иеромонахов Бахчисарайского скита»⁸¹. Благочинный над духовенством Черноморского флота игумен Георгий в рапорте от 9 июня 1855 г. старшему благочинному над духовенством Военно-сухопутных и морских сил в Крыму протоиерею П.М. Мацкевичу, рассказывая о ранении Иоанникия в ногу 26 мая 1855 г. и последовавшей вслед за тем смерти священнослужителя, прямо говорит о его принадлежности к Успенскому скиту: «Иеромонах Иоанникий Савинов, он же иначе именуемый для различения от других Иоанникием третьим⁸², младшим и Бахчисарайским Успенским, действительно служил при 45-м флотском экипаже»⁸³. Тот же игумен Георгий в донесении владыке Иннокентию от 2 июня 1855 г. называет иеромонаха Иоанникия, получившего 26 мая ранение в ногу, «третьим младшим, что из Бахчисарайского Успенского скита»⁸⁴.

О подвигах знаменитого иеромонаха следует сказать более подробно. Отец Иоанникий попал на службу в 45-й флотский батальон и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. Самым блестящим его подвигом стало внезапное появление в ночь с 10 на 11 марта 1855 г. среди войск отряда генерал-лейтенанта С.А. Хрулёва, предпринявшего вылазку для разрушения неприятельских траншей, построенных рядом с Камчатским люнетом с целью его взятия. Как говорилось в приказе о награждении, Иоанникий появился в рядах сражавшихся в самый разгар боя, когда отряд наших войск «готов уже был уступить сильному натиску неприятеля, получавшего беспрестанные подкрепления». Вид иеромонаха в епитрахили с вознесённым крестом в руках и торжественное, звонкое пение им тропаря «Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояние Твое, победы Благоверному императору нашему на сопротивныя даруй» одушевили войска, которые «бросились на врага и овладели первой, потом второй и третьей линиями его траншей»⁸⁵. В ходе сражения о. Иоанникий получил контузию и на некоторое время потерял сознание. Когда врага удалось отеснить, а подступы к траншеям разрушить, священник помог вернуть батальоны обратно. Разгорячённые боем солдаты левого фланга, командир которого (подполковник Радомский) был выведен ранением из строя, отказывались поверить сигналу отбоя, неоднократно использовавшемуся прежде врагом для дезинформации, и только слова о. Иоанникия, переданные по личной просьбе Хрулёва, убедили их в необходимости отступления⁸⁶. За этот подвиг 15 мая 1855 г. иеромонах Иоанникий (Савинов) получил орден Св. Георгия 4-й степени⁸⁷. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Волынский редуты и Камчатский люнет отец Иоанникий был ранен в ногу⁸⁸. Ногу ампутировали, но 9 июня 1855 г. иеромонах скончался⁸⁹. Нам удалось установить, что похоронен герой-священник на территории Бахчисарайского Успенского скита: 11 июня 1855 г. игумен Николай

⁸¹ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82.

⁸² В обороне Севастополя принимали участие три иеромонаха по имени Иоанникий. Поэтому для различия им «присвоили» номера. Первые два — Иоанникий первый (Добротворский) и Иоанникий второй (Ровинский) — были насельниками Балаклавского Георгиевского монастыря.

⁸³ РГВИА, ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 4, л. 16.

⁸⁴ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 73.

⁸⁵ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

⁸⁶ РГИА, ф. 806, оп. 5, д. 9047, л. 4 об.—5; ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 82; Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Вып. 2. СПб., 1871. Приложения. С. 45–46.

⁸⁷ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

⁸⁸ РГИА, ф. 797, оп. 24, отд. 2, ст. 2, д. 16, л. 73.

⁸⁹ РГВИА, ф. 9196, оп. 11/270, св. 3, д. 4, л. 16.

написал архиепископу Иннокентию: «Храбрый иеромонах Иоанникий 26 мая ранен пулею в ногу навывлет, коею раздробило ему кость, после операции чрез несколько дней скончался. По распоряжению адмирала Нахимова, тело покойного привезено в скит 10 июня и предано земле по обряду христианскому»⁹⁰.

Во время Крымской войны, несмотря на многочисленные трудности (недостаток денежных и перевозочных средств, нехватку рабочих рук, высокие цены на всё) иноки Успенского скита старались обустроить свою обитель. 9 августа 1854 г. началось сооружение колокольни⁹¹, которое продолжалось и после начала военных действий на полуострове (по словам игумена Николая, «прогнавши неприятеля из Крыма, весьма было бы приятно смотреть на сооружённое здание под выстрелами неприятельскими»)⁹², весной 1854 г. — осенью 1855 г. на скале обновили икону Божией Матери и около неё написали изображения семи священномучеников Херсонесских⁹³.

После заключения Парижского мира 1856 г. воссоздание крымских святынь продолжилось. Ещё при жизни владыки Иннокентия (скончался 26 мая 1857 г.) 30 апреля 1857 г. в Херсонесской киновии был освящён храм во имя семи священномучеников, епископов Херсонских⁹⁴ (через некоторое время его разобрали; на его месте построили и 2 апреля 1861 г. освятили новый храм)⁹⁵. В 1856 г. архиепископ Иннокентий открыл Кизилташскую Св. Стефана Сурожского киновию и делал всё возможное для устройства Космо-Дамиановской и Катерлезской Свято-Георгиевской киновий, которые открылись вскоре после его кончины (первая — в сентябре 1857 г., вторая — официально в 1859 г., хотя церковь Св. Георгия в урочище Катерлез была освящена ещё 23 апреля 1857 г.)⁹⁶.

Архиепископ Иннокентий глубоко осознавал государственную и духовно-религиозную значимость Крыма для России. В своих письмах и проповедях он называл полуостров «колыбелью нашего православия», «купелью нашего крещения», «началом нашей священной истории и народных преданий»⁹⁷. Возрождение на этой земле заброшенных духовных центров («постановку креста на пустынных пространствах Новороссии») владыка считал одним из главных дел своей жизни⁹⁸.

Основные работы по благоустройству крымских обителей были проведены в конце 1850-х — начале 1900-х гг. За это время на территории Бахчисарайского Успенского скита появились ещё четыре церкви: Св. равноапостольных Константина и Елены (сооружена в 1857 г. с левой стороны пещерной Успенской церкви, под навесом скалы, на пожертвования дочери коллежского асессора Е.Д. Берковой); Св. евангелиста Марка (пещерная, вырублена в 1859 г. в той же скале, ниже Успенского храма, на средства симферопольского чиновника

⁹⁰ ОР РНБ, ф. 313, д. 39, л. 237 об.

⁹¹ Там же, д. 36, л. 307.

⁹² Там же, л. 279 об.

⁹³ Богданова Т.А. Святитель Иннокентий (Борисов) и его проект: «Русский Афон» в Крыму... С. 236.

⁹⁴ Историческая записка о Херсонисском Св. Равноапостольного великого князя Владимира монастыре. С. 77.

⁹⁵ Денисов Л.И. Указ. соч. С. 793.

⁹⁶ Гермоген (Добролюбов), еп. Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 492, 495, 498.

⁹⁷ См., например: [Иннокентий (Борисов), архиеп.] Собрание слов и речей по случаю нашего неприятельского, произнесённых в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Т. 1. Одесса, 1855. С. 88–94.

⁹⁸ Востоков Н.М. Указ. соч. С. 686.

М. Айвазова); Св. Георгия (возведена в 1875 г. рядом с военным кладбищем на пожертвования генерала Г.И. Перовского); Св. Иннокентия Иркутского (выстроена в 1896 г. на средства архиепископа Таврического и Симферопольского Мартиниана (Муратовского))⁹⁹. В Херсонесской обители Св. Владимира был построен упоминавшийся выше собор Св. Владимира, при настоятельских келиях устроена домовая церковь в честь Покрова Пресвятой Богородицы (построена ради чудотворной Корсунской иконы Божией Матери, которой архиепископ Иннокентий благословил возобновление кинонии после Крымской войны; освящена 4 июля 1863 г.)¹⁰⁰. В Инкерманской кинонии Св. Климента возобновлена пострадавшая во время войны пещерная церковь Св. Климента, возведены церкви во имя Св. Троицы (1867) и во имя Св. Пантелеимона (1894)¹⁰¹. Обустроивались и другие обители.

Значительный интерес представляют записки паломников, посещавших обители «Русского Афона» в Крыму в XIX — начале XX в. Например, любопытные наблюдения содержатся в «Очерках Крыма» писателя-путешественника Е.Л. Маркова, побывавшего на полуострове между 1866 и 1872 гг. Бахчисарайский Успенский скит вызвал у него подлинное восхищение: «Вид монастыря не похож ни на что, с чем мы знакомы по картинам и описаниям... Мне он показался просто фантастическим. В глубине пустынного и цветущего ущелья вы вдруг замечаете высоко в стенах скал окна, балкончик, переходцы и крылечки, прилепленные и выдолбленные, как гнёзда стрижей... Фигуры святых, нарисованные прямо на дикой скале, кресты, сияющие в углублениях, убеждают вас, что это монастырь... Но долго не приучишься понять это и наглядеться на это... Никак не сообразишь, как и куда подниматься, не только, как там жить». По поводу жилых и хозяйственных помещений, выстроенных на дне ущелья и придававших внешне Успенскому скиту вид традиционного российского монастыря, Марков пишет: «Это уже всё новые прибавления, проникнутые новыми воззрениями на удобство жизни и на самую цель жизни. Тут пахнет монастырём, но монастырём, подчинённым особенному министерству, получающим штатное содержание из государственного казначейства, по ассигновкам и сметным расписаниям, а не теми пустынноческими скитами, в которых ели коренья и спали на камнях. Тот монастырь — вон там, наверху, ископанный уставшею и исхудалою рукою, скрывший в себе тех, кому действительно необходимо было скрываться, кто бежал мира и добровольно погребал себя в камнях... Вот наверху его тёмные окошечки, его тесные и низкие пещерки... Там не было коридоров и номеров, и ковриков по крашеному полу, и чистеньких новеньких штор»¹⁰². Вид Херсонесской обители, представлявшей собой тогда большую стройку, Маркову, скорее, не понравился и даже вызвал критику монастырского начальства: «Монастырь неуютен, некрасив и не имеет никакой определённой физиономии... Он словно вчера построен и завтра опять исчезнет. Его дворы и немногие церкви как-то оторваны друг от друга и будто ещё не выкарабкались из тысячелетнего мусора, на котором возникли. Общее впечатление — неустройство и беспокорство. Впрочем, настоящий монастырь — новый, только что строится. Хотя храм Св. Владимира над местом крещения равноапостольного князя едва выведен до

⁹⁹ Гермоген (Добронравин), еп. Указ. соч. С. 481; Денисов Л.И. Указ. соч. С. 788.

¹⁰⁰ Денисов Л.И. Указ. соч. С. 792–793.

¹⁰¹ Там же. С. 794.

¹⁰² Марков Е.Л. Очерки Крыма: Картины крымской жизни, природы и истории. СПб., 1873. С. 56–57.

половины нижнего этажа, но зато совершенно отстроены великолепные палаты для помещения архимандрита с братией... Эти палаты... более похожи на французский замок, чем на греческий или русский монастырь. Вокруг дома большая чистота и порядок; садик деятельно разводится кругом, у крылец оранжерейные растения в кадках, везде лак, блеск, парад; недостаёт швейцара с булавой и красною перевязью»¹⁰³. Совсем иное впечатление произвела на путешественника Инкерманская киновия Св. Климента: «Монастырь крошечный, нищенский, но очень замечательный. Его маленькая церковь вся высечена в одном камне и притом, говорят, руками мученика папы Климента, просвещавшего Крым в I столетии нашего летосчисления. В церкви этой довольно изящные круглые ниши и балкон, висящий над бездною долины»¹⁰⁴.

К началу XX в. «Русский Афон» в Крыму уже не представлял собой, как прежде, единое иноческое братство. К Бахчисарайскому Успенскому скиту оставалась приписана лишь одна киновия – Анастасиевская. Все прочие киновии (кроме Кизилташской Св. Стефана Сурожского) были возведены в степень монастырей: Херсонесская Св. Владимира – 1-го класса (1861), Инкерманская Св. Климента – 2-го класса (1905), Космо-Дамиановская и Катерлезская Свято-Георгиевская мужские киновии в 1898 и в 1900 гг. соответственно были обращены в женские монастыри¹⁰⁵.

Таким образом, идея архиепископа Иннокентия о создании в Крыму отечественного центра пустынножительства, названного им «Русским Афоном», в целом была воплощена. При этом следует обратить внимание на следующие моменты. Несмотря на непрерывавшиеся работы по благоустройству Бахчисарайского Успенского скита и крымских киновий, многие представители русского монашества по-прежнему стремились уехать на Афон, а проживавшие на Святой Горе старались там закрепиться. Последнее обстоятельство соответствовало и интересам российской дипломатии, рассматривавшей физическое и духовное присутствие своих соотечественников на Афоне как одну из важных опорных точек политики Российской империи на Ближнем Востоке. После конфликта на Афоне первой половины 1870-х гг. («греко-русского Пантелеимоновского процесса») русские иноки, опасаясь возникновения новых проблем с греками и появления реальной опасности быть выдворенными со Святой Горы, не подумали о переезде в Крым, где тогда уже существовал центр пустынножительства, а предпочли с помощью русского посла в Турции Н.П. Игнатьева найти место на Кавказском побережье Российской империи для основания филиального, но независимого отделения Афонского Русского Свято-Пантелеимонова монастыря – Ново-Афонской Симоно-Кананитской обители. Тем не менее, несмотря на особое место Святой Горы в мировоззрении русского монашества и на появление на Юге России (в Абхазии) духовного центра, напрямую связанного с греческим Афоном, реализация проекта архиепископа Иннокентия «Русский Афон» в Крыму имела большое государственное и духовно-религиозное значение: многие христианские святыни полуострова были сохранены от конечного разрушения, на их месте возникли монашеские обители, что способствовало поднятню в регионе престижа православия и государственной власти и дальнейшей успешной интеграции края в состав страны.

¹⁰³ Там же. С. 109–110.

¹⁰⁴ Там же. С. 130.

¹⁰⁵ Денисов Л.И. Указ. соч. С. 789, 792, 794, 797–798.